

© 2001 г.

Г.А. ЗДРАВОМЫСЛОВ

РОССИЙСКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС - ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ И ЧИСЛЕННОСТИ

ЗДРАВОМЫСЛОВ Григорий Андреевич - аспирант Института социологии РАН.

"Средний класс" - одно из наиболее распространенных понятий в социологической литературе и публицистике последнего десятилетия. Вокруг него идет постоянная дискуссия, в ходе которой выделено немало проблем. Любой аспект этой темы вызывает споры: есть ли средний класс в постсоветской России? Если он есть, то какова его численность и доля в обществе? Соответствует ли понятие среднего класса какой-либо реальности или же оно - результат чистого конструирования? Был ли средний класс в советском обществе? Имеются ли у него некоторые аналоги в структуре западных обществ? Каковы экономические границы среднего класса? Как соотносятся между собою средний слой и средний класс? Может ли средний класс играть самостоятельную роль в российской политике? Сохранил ли он именно как класс или как слой свои позиции после августовского кризиса 1998 г.? Как возникает средний класс в постсоветской России - опирается ли он на поддержку государства или формируется стихийно на основе свободной игры рыночных сил? Должна ли государственная политика ставить своей целью формирование и поддержку среднего класса, и если должна, то какие приоритеты в государственной политике необходимо принять во внимание? Таков самый первоначальный перечень дискуссионных вопросов этой важной темы.

Мы не в силах из-за ограниченного объема статьи и сложности проблемы ответить на всю совокупность вопросов российского общества для преодоления кризисной ситуации и попытаемся охарактеризовать те позиции, которые складываются в российской социологической литературе по наиболее важным из обозначенных сюжетов.

Сложности с определением среднего класса вполне объяснимы: во-первых, само понятие среднего класса стало сравнительно недавно употребляться в отечественной социологии. Во-вторых, состав среднего класса на протяжении последнего десятилетия не оставался неизменным, он еще не представляет собою законченной, сформировавшейся группы. Динамичность и изменчивость этой группы вызывает дополнительные сложности в ее изучении. Кроме того, и это очень важное обстоятельство, среди самих

исследователей, изучающих формирование среднего класса в России, отсутствует консенсус по поводу того, какие показатели являются наиболее важными для определения принадлежности к среднему классу и как эти показатели должны фиксироваться в ходе массовых социологических опросов или в исследованиях иного типа.

При изложении проблематики среднего класса обычно начинают с Аристотеля [см., напр.: 1, с. 56]. В классическом произведении "Политика" выдающийся мыслитель древности высказал ряд идей, оказавшихся весьма актуальными и в наше время. Рассматривая причины раздоров и распрей в государстве, Аристотель обратил внимание на тот факт, что наиболее устойчивыми политическими режимами оказываются те, которые "стремятся к середине". "В каждом государстве, - пишет он, - есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими" [2, с. 507]. Аристотель считал, что государство не должно опираться в своей деятельности ни на крайне богатых, ни на крайне бедных, так как ни те, ни другие не склонны повиноваться доводам разума. "Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами" [2, с. 507]. Первые - не умеют подчиняться (а без умения подчиняться, по Аристотелю, нельзя научиться властвовать). Вторые чрезвычайно унижены в своем положении и чаще всего руководствуются завистью к чужому богатству. "Величайшим благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной" [2, с. 508].

Можно сказать, что идеи Аристотеля сыграли определенную роль в формировании теории среднего класса (или средних классов, средних слоев) в современной социологической литературе, прежде всего в странах с устойчивым экономическим развитием¹.

Но для того, чтобы всесторонне подойти к понятию "средний класс" применительно к российским условиям, необходимо привлечь не только те определения, которые давались ему еще в древности. Необходимо сказать и о том, что понятие "средний класс", близкое к понятию "средний слой", своими корнями уходит в западную социологическую теорию. Такие исследователи, как М. Вебер, Н. Элиас, Л. Уорнер, Д. Голдторп использовали понятие среднего класса и изучали соответствующую проблематику. Обобщая сказанное этими исследователями, мы можем прийти к выводу о том, что западный средний класс, прежде всего, неоднороден, он делится на высшую, среднюю и низшую части. Естественно, численные оценки среднего класса у западных исследователей бывают различными, но, как правило, средний класс составляет около 60%, а его средняя часть - около 20% [4, с. 84-86].

Современных российских исследователей, изучающих эту проблему, можно отнести к двум категориям. Первые утверждают, что среднего класса в России нет. Вторые признают его существование, но в то же время единодушно отмечают незавершенность еще формирования или начальный этап становления. В силу этого они часто употребляют понятие "средний слой", имея в виду достаточно аморфную и не вполне устойчивую еще общность, занимающую срединное положение.

Первая группа отнюдь не едина. Различные ее представители используют разные аргументы в обосновании своей точки зрения. Рассматривая их, обратим внимание, по меньшей мере, на три основных подхода. Первая позиция может быть охарактеризована как последовательный конструктивизм. Согласно этой позиции, среднего класса нет как объективной реальности, есть лишь понятие среднего класса, с помощью которого создается (конструируется) эта реальность².

Второй способ аргументации в пользу отрицания среднего класса в России связан с трактовкой его как чисто западного явления и понятия. Обращение к этому понятию, по мнению ряда авторов, ничего не дает для научного анализа социальных процессов, поскольку Россия — весьма специфическая страна, и в ней все происходит иначе, чем на Западе. Третий подход связан с критическим отношением к российским реформам. Он исходит из того, что ход реформ ведет не к созданию среднего класса, а к поляризации общества на очень богатых и очень бедных. А поляризация в перспективе ведет к глубоким классовым конфликтам и катастрофам.

Остановимся теперь на нескольких определениях среднего класса, предлагаемых теми, кто признает его существование как важной составляющей социальной структуры российского общества.

В ряде публикаций Т.И. Заславской исходной посылкой выступает проблема устойчивости общества в целом. Опыт западных стран показывает, что устойчивость их развития во многом определяется тем, что в этих странах сложился средний класс. Возникает вопрос: может ли Россия пойти именно этим путем, или же она вновь и вновь будет переживать катаклизмы, связанные с шараханием из одной крайности в другую? Отвечая на этот вопрос, Т.И. Заславская предлагает аналитическую схему структурирования российского общества.

Эта схема основывается на исследованиях, проведенных в режиме мониторинга ВЦИОМ, начатого в марте 1993 г. За семь лет регулярного отслеживания структурных сдвигов российского общества была создана база данных, насчитывающая около 50 000 анкет. Из этой совокупности на первом этапе были выделены 14 достаточно гомогенных социальных групп, которые далее были укрупнены, в результате чего сформировано 4 слоя, получившие названия верхнего, срединного, базового и нижнего. В начале 1997 г. соотношение между слоями выражалось пропорцией: 6/18/66/10 [6]³.

Однако какой слой считается аналогом среднего класса в данной работе? По мнению авторов, основным претендентом на то, чтобы называться российским средним классом, является - *срединный* слой российского общества, который охватывает 18% генеральной совокупности. Авторы называют его "средним протоклассом". И действительно - он выполняет почти все функции, которые должен выполнять средний класс: занимает срединное положение, обладает высоким квалификационным потенциалом, характеризуется общей удовлетворенностью жизнью. Однако, в отличие от западно-европейских аналогов, он не является достаточно весомой прослойкой в обществе, а, следовательно, не может быть стабилизирующим основанием этого общества. Поэтому на роль среднего класса, по нашему мнению, в российских условиях может претендовать также и тот слой, который назван Т.И. Заславской базовым. Этот слой является наиболее массовым. Он охватывает $\frac{2}{3}$ генеральной совокупности. Однако он не обладает достаточно высоким квалификационным потенциалом и характеризуется преобладанием неудовлетворенности жизнью. Он близок по своим социальным позициям к бедным слоям.

Таким образом, при изучении среднего класса эмпирически фиксируется центральная проблема социально-экономического развития российского общества: собственно средний класс, который мог бы быть основанием политической устойчивости, составляет меньшинство; большая же часть средних слоев остается на грани бедности, и, следовательно, их стабилизирующая роль остается весьма проблематичной.

Обратимся теперь к исследованию вопроса, представленному Российским независимым институтом социальных и национальных проблем. Авторы этого исследования предлагают свое определение среднего класса. «В странах с развитой рыночной экономикой и демократическим политическим строем под средним классом подразумевают ту часть общества, которая занимает "средние" - между "верхами" и "низами" - статусные позиции, составляя наибольшую по численности социальную группу, и выполняет ряд функций, важнейшими из которых являются функции социального "стабилизатора" общества и источника воспроизводства квалифицированной рабочей силы» [4, с. 78].

Как видно из определения, авторы также акцентируют проблему стабилизации социальных процессов. Особенность исследования состояла в том, что оно было проведено после августовского кризиса 1998 г. и имело задачей выяснить, как повлиял этот кризис на положение именно среднего класса. Подводя итоги, авторы утверждают, что средний класс в России, бесспорно, существует, что до кризиса в него входило примерно 25% занятого населения, а после кризиса он включал в себя около 18% и что, следовательно, слухи о его гибели сильно преувеличены [4, с. 233].

Обратим внимание на тот факт, что до сих пор обсуждение вопроса идет в рамках

аристотелевской традиции и аргументации: во всяком обществе есть "верхи", "низы" и, следовательно, есть и срединная часть. Но этот подход оказывается явно недостаточным в условиях сложных трансформационных процессов. Ведь изменения происходят не только в составе и соотношении этих слоев, но и в самих способах социальной дифференциации. Как отмечает Н.Е. Тихонова, в российском обществе "меняются критерии стратификации и само ее системное основание" [7, с. 37]. Это означает, что исследование среднего класса должно опираться на определенное понимание трансформационных процессов в обществе в целом, в ходе которых возникают новые способы образования социальных групп и слоев. При таком подходе проясняется двойственный характер среднего класса. Сложность его конфигурации и состава связана не столько с профессиональными различиями внутри него самого, сколько с новыми классообразующими структурами и отношениями. По мнению Н.Е. Тихоновой, средний класс современной России связан, с одной стороны, с традиционной структурой, основанной на государственной собственности, а, с другой стороны, с возникающими и приобретающими все больший динамизм новыми структурными отношениями, основанными на частной собственности и частном интересе⁴.

В.И. Ильин отмечает еще одну особенность формирования классовой структуры в постсоветском обществе. Суть ее в том, что этот процесс происходил при активном участии и под воздействием командно-административной системы. Основным методом построения новой социально-классовой структуры стала приватизация, и, прежде всего, приватизация государственной собственности и государственных статусных позиций (см.: [8])⁵.

Несколько иной подход к определению среднего класса предлагает В.В. Радаев. В его концепции можно усмотреть "умеренный конструктивизм". Он обращает внимание не столько на средний класс как реальность, сколько на образ среднего класса в массовом сознании и пытается охарактеризовать этот образ с позиций функционализма: для чего нужен "средний класс", какие функции выполняет само понятие среднего класса и идентификация с этим "конструктом" того или иного индивидуума? [11]. Согласно этой точке зрения, "средний класс" очень важен в условиях, когда представители многих групп теряют свою прежнюю идентичность, когда они сами не знают, кто же они такие. Зачисление себя в "средний слой" или "средний класс" как бы дает самый общий ответ на вопрос, кто я такой. И смысл этого зачисления или идентификации со средним классом состоит в том, что человек приравнивает себя к большинству, к тем, кто живет не лучше всех, но и не хуже некоторых. Основания для такой самооценки кроются в опыте повседневной жизни. Человек, причисляющий себя к среднему классу, не входит в круг лиц, чьи дома окружены заборами, кто ездит в мерседесах и БМВ - современных символах престижа, кто хранит свои деньги в зарубежных банках, покупает квартиры в престижных районах и ездит отдыхать на Карибы. У него более скромные потребности и интересы, у него выработаны соответствующие потребностям навыки поведения и привычки. В состав среднего класса входят врачи, учителя, государственные служащие невысокого ранга, владельцы малых предприятий и предприниматели средней руки, работники торговли и военнослужащие, журналисты, квалифицированные рабочие, преподаватели вузов и научные сотрудники, крестьяне и фермеры, - в общем, все те, на ком держится этот мир, кто своим трудом обеспечивает достойную жизнь своей семье, так или иначе сводя концы с концами, привыкая держать удары постсоветского реформирования, постоянно осваивая новые возможности и стараясь не упустить шансов на удачу.

Одна из специфических особенностей среднего класса современного российского общества состоит в том, что значительная часть его чрезвычайно мобильна в профессиональном и социальном плане. Миллионы людей были вынуждены поменять свои профессии, переqualificироваться (подчас покидая прежние должности и места работы), найти новые рабочие места. При этом многие стали совмещать должности и профессии в целях поддержания сложившегося жизненного стандарта. В целом совокупность этих процессов была охарактеризована как адаптация. Однако адаптация

адаптации рознь. Одно дело - борьба за выживание, за сохранение среднего уровня жизни семьи и поддержание профессионального статуса. Другое дело — борьба за сохранение фирмы, банковской структуры, организации.

Различие этих типов адаптации определяется вовсе не профессиональной принадлежностью. Гораздо в большей мере оно связано с внутренней социальной дифференциацией каждой из профессиональных групп. Например, возникновение частной медицины означает резкую дифференциацию внутри медицинских работников, частная практика может быть и у преподавателей. Еще более очевидна дифференциация в сфере торговли - розничной, оптовой, связанной с внутренним рынком и поставками за рубеж или из-за рубежа.

Многие формы деятельности, существовавшие в советские времена в виде "теневой экономики", легализировались, но это не привело к ликвидации теневых структур, так как одной из главных забот российского среднего класса стал уход от налогообложения. Основной путь для этого — неформальные связи; деловые отношения, не фиксируемые в документах финансовой отчетности. Во многих организациях размер заработка сотрудников стал коммерческой тайной.

Особенно интересные процессы происходят в среде предпринимателей, составляющих наиболее динамичную часть среднего класса. Предпринимательство как род деятельности включает в себя прежде всего организацию работы новых коллективов, вовлеченных в рыночные отношения. Наряду с подбором персонала и контролем за графиком работы фирмы или учреждения, предприниматель вынужден отслеживать динамику рыночной ситуации в своей области, иметь информацию о потенциальных и реальных конкурентах. В учреждениях нового типа возникли особые потребности - в охранных структурах и доверенных финансовых работниках.

Слабая проработка многих вопросов предпринимательской деятельности в правовом отношении, и особенно нестабильность налогового и лицензионного законодательства, приводит к тому, что этот род деятельности оказывается постоянно на грани риска нарушения закона. Здесь возникает почва для криминальных структур и криминальных отношений.

Разумеется, в предпринимательской среде гораздо больше вариантов и возможностей занятия позиций на социальной лестнице, и, вместе с тем, нижние и верхние позиции наиболее отдалены друг от друга. Привлекательный момент предпринимательской деятельности - кажущиеся открытыми возможности вертикальной мобильности как движения фирмы снизу вверх на самые высокие позиции и, следовательно, возможности выхода за пределы собственно среднего класса. В качестве реального ограничителя движения снизу вверх выступает конкуренция, принимающая подчас ожесточенные формы. Очевидным проявлением конкурентной борьбы выступают криминальные разборки, ставшие повседневным элементом постсоветской жизни.

Приведенную выше характеристику среднего класса необходимо дополнить еще одним изображением. Многие исследователи отмечают внутреннюю противоречивость этой социальной группы не только в условиях российского капитализма, но и в западных обществах. При анализе классовой структуры и экономических отношений выясняется, что средний класс занимает промежуточную позицию между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Это значит, что большая его часть оказывается, с одной стороны, эксплуатируемой более крупным капиталом, а с другой стороны, средний класс сам принимает участие в эксплуатации наемного труда.

Неоднородность состава среднего класса, его внутренняя противоречивость, направленность реальных интересов различных групп приводят к тому, что весьма проблематичным оказывается осознание общих интересов этого класса. Во всяком случае, в современных условиях вряд ли возможно возникновение "партии среднего класса", которая бы претендовала на то, чтобы выступить его рупором, коллективным организатором. Именно этим объясняется недостаточная четкость в терминологии при изучении проблематики среднего класса. Одни авторы говорят о среднем классе (РНИСиНП), или, по крайней мере, о "протоклассе" (Т.И. Заславская), другие - о

средних слоях (В.И. Ильин), третьи употребляют попеременно и тот, и другой термины (Л.А. Беляева).

Обратимся теперь к вопросу о количественных оценках среднего класса. Как уже отмечалось, по данным РНИСиНП на конец 1998 г. доля среднего класса в составе занятого населения определялась примерно в 18%. При этом в докладе РНИСиНП средний класс делится на три группы - верхний, средний и низший слои среднего класса [4].

Т.И. Заславская и Р.Г. Громова оценивают долю "срединного слоя" в 16-18% представителей выборочной совокупности по результатам исследования на 1997 г. При этом, как уже отмечалось, 66% они относят к "базовому слою", который в некоторых отношениях также совпадает со средним классом.

Сошлемся еще на несколько публикаций, в которых приведены количественные оценки среднего класса. З.Т. Голенкова и Е.П. Игитханян основывают свои оценки на исследовании, проведенном в столице Калмыкии - Элисте до августовского кризиса 1998 г. Авторы утверждают, что средний слой, именно слой, а не класс, составляет у нас 6,5% населения. Критериями для выделения среднего слоя послужили: а) "качество семейного бюджета в среднем в течение года", где отбирались "альтернативы среднего состояния"; б) общая удовлетворенность материальным положением, и в) "самоотнесение со стратификационной структурой общества (самоидентификация)". Средним слоем названа группа респондентов, отметившая указанные позиции во всех трех вопросах анкеты. Информационной базой послужили данные социологического исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 1996 г. [12, с. 44—53].

Л.А. Беляева выделяет две различные группы: "идеальный средний класс" наиболее приближен к среднему классу западных стран, а "российский средний класс" является средним по российским критериям. К первой группе она относит 3,4%, ко второй - 6% выборочной совокупности, полученной в ходе всероссийского исследования, проведенного в 1998 г. объемом 1100 человек [13, с. 14].

Л.А. Хахулина опирается на исследования ВЦИОМ. По ее данным, к "субъективному среднему классу" в 1991 г. относили себя 18% респондентов, в 1996 г. - 39% респондентов, в 1997 г. - 38%, а в 1998 г. - 42% П4, с. 26].

Конечно, нельзя не сказать и о том, что и за последние годы средний класс претерпевает многочисленные изменения, поскольку сегодня политическая ситуация в России характеризуется значительной нестабильностью. В частности, многие аналитики справедливо утверждают, что сильный удар по среднему классу был нанесен в августе 1998 г., во время финансового кризиса. Но, тем не менее, можно предположить, что такие удары не только разрушают, но и закаляют российский средний класс, и по прошествии времени он все-таки формируется в процессе реформ и трансформаций нашего общества.

Как можно заметить, приведенные выше данные расходятся между собой, и порой весьма существенно. На наш взгляд, эти расхождения объясняются, во-первых, разным пониманием границ среднего класса, и, во-вторых, различием методик, используемых при организации исследования. Это касается как процедуры обеспечения выборочной совокупности, так и содержания используемых анкет или опросников иного рода, а также отбора самих вопросов, на основе которых получается искомая группировка.

Наиболее детально методическая процедура описана в аналитическом докладе РНИСиНП. Остановимся на этой процедуре более подробно. Прежде всего, мы встречаемся здесь со случаем, когда определение границ среднего класса является одной из главных задач исследования. Можно сказать, что сбор первичных данных подчинен именно этой задаче. Полученная выборочная совокупность заранее характеризуется наличием признаков среднего класса, запрограммированных в исследовании. Во всех других случаях выборочная совокупность получается как результат вторичного отбора массива анкет, которые собирались ради иных задач (например, задач, связанных с осуществлением мониторинга общественного мнения).

Самозачисление опрошенных в различные социальные слои (классы), по итогам международного проекта 17-ти стран Европы и Северной Америки (1991-1993 гг.) и российских исследований 1992 и 1998 гг., в % к числу опрошенных

Статусные позиции	Данные исследований		
	Россия, 1998 г. (июнь)	Россия, 1992 г.	17 стран Европы и Северной Америки, 1991-1993 гг.
Высший средний класс			
1 -я позиция	0,0	0,4	0,8
2-я позиция	0,5	0,5	1,0
3-я позиция	2,8	1,9	5,7
ИТОГО:	3,3	2,8	7,5
Средний класс			
4-я позиция	4,3	5,9	12,5
5-я позиция	7,3	25,3	28,3
6-я позиция	12,4	17,6	18,1
ИТОГО:	24,0	48,8	58,9
Нижний слой			
7-я позиция	16,3	17,3	13,5
8-я позиция	20,9	13,1	10,0
ИТОГО:	37,2	30,4	23,5
Бедные			
9-я позиция	21,4	9,2	5,5
10-я позиция	14,1	8,8	4,6
ИТОГО:	35,5	18,0	10,1

Источник: [15, с. 84-86].

Далее, в этом исследовании самооценка собственного социального положения респондента соединяется с рядом показателей объективного характера, заложенных в анкете. При этом самооценка основывается на том, какую позицию (далее в докладе она называется статусной позицией) отмечает респондент на 10-балльной шкале. Сама шкала, как и весь этот метод в целом, отработаны в ряде международных исследований, что позволяет сравнить российские данные с тенденциями социальной стратификации в западных и восточно-европейских странах. Этот исходный момент очень важен, поэтому приведем его здесь полностью (табл. 1).

В итоговой группировке происходит укрупнение позиций таким образом, что первые три образуют верхний слой среднего класса, позиции 4-6 - средний слой, позиции 7-8 - нижний слой, а позиции 9 и 10 относятся к бедной части населения. Сопоставление статусных группировок, полученных на основании самооценок, с объективными показателями (среднемесячный бюджет семьи, средний метраж общей площади жилья и средний размер землевладений), показывают, что самооценки оказываются достаточно адекватными. Так, размер среднемесячного бюджета в нижней и верхней группах на шкале самооценок различаются между собою в 10 раз. А средний метраж жилплощади - почти в 6 раз.

Таблица показывает существенное отличие социальной структуры российского общества, как она сложилась к лету 1998 г., и усредненной социальной структуры западных стран. Очевидно, что социальная структура российского общества оставалась сильно сдвинутой вниз в сравнении с усредненной социальной структурой западных обществ.

Разумеется, самооценка респондентов на шкале социальных статусов не самый точный показатель социальной структуры общества. Всегда могут существовать

люди, которые в силу тех или иных причин стремятся завысить или занижить собственное положение. Однако, и те, и другие отклонения как бы уравнивают друг друга, в результате чего общая картина статистического распределения остается достаточно устойчивой. Это предположение подтверждается в исследованиях социальной стратификации российского общества, основанных на сопоставлении результатов самооценок с данными государственной статистики [7, с. 30].

В целях повышения достоверности полученных распределений при изучении процессов социальной стратификации российского населения часто обращаются к показателям душевого дохода. Однако данные о доходах далеко не исчерпывают совокупности показателей, характеризующих уровень жизни и социальное положение. Наряду с доходом необходимо принимать во внимание имущественное положение соответствующих групп населения. Кроме того, нельзя не учитывать региональное различие цен на товары и услуги, которые непосредственно влияют на уровень жизни людей. Ведь если лицо, обладающее низким уровнем дохода, живет в условиях высоких цен, то оно будет вынуждено довольствоваться весьма низкими стандартами потребления.

Вообще, говоря об изучении среднего класса, необходимо учитывать проблему сложившихся в обществе и социальных группах стандартов потребления. Известно, что высокообеспеченные слои населения ведут иной образ жизни, чем среднеобеспеченные и тем более низкообеспеченные слои. Круги их потребностей могут даже не пересекаться друг с другом. Поэтому сам по себе денежный доход еще мало что говорит о социальном статусе, о принадлежности к высшим, средним или бедным слоям населения. Наконец, если опираться исключительно на информацию об уровне дохода, указываемую при опросах или даже при статистических обследованиях, то мы сталкиваемся с проблемой недекларированных доходов, весьма характерной для российской жизни: неизвестно, какая именно часть населения живет на доходы, данные о которых невозможно получить официальным путем.

Все это подтверждает мысль о сложности определения границ среднего класса. Более или менее очевиден вопрос о самых бедных и самых богатых, но структурирование среднего класса как такового весьма сложная задача, которая должна решаться в специально ориентированных исследованиях. Лучший, наиболее достоверный результат может быть получен лишь при взаимном дополнении статистической и социологической информации.

Так, опираясь на данные Госкомстата РФ и совмещая их с "совпадающими ощущениями самого населения" РФ, Н.Е. Тихонова утверждает, что с 1997 г. и до дефолта августа 1998 г. в России, помимо двух диаметрально противоположных групп, существовало около 60% населения, которое находилось между ними. Треть от этих 60% весьма близко примыкала к беднейшим слоям, а седьмая часть численностью около 9% всего населения с доходом более 1 млн. рублей на человека образовывала резерв наиболее благополучных слоев [7, с. 30].

Таким образом, произведя несложные арифметические действия, мы сможем подсчитать, что незадолго до августовского кризиса 1998 г. в России около четверти населения можно было отнести к среднему классу. В принципе в методике, предложенной Н.Е. Тихоновой, мы видим то, чего не смогли увидеть в других вышеизложенных методиках. А именно - сочетание социологического и статистического методов.

Но, тем не менее, на сегодняшний день не существует методики, которая бы могла с абсолютной точностью определить количество представителей среднего класса. Но принципиально возможно - до какого-либо порядка.

Все население РФ на 1 декабря 1999 г. составляло 146,5 млн. человек [16, с. 70]. Но как обстоят дела с представителями среднего слоя России сегодня? Приведем данные Госкомстата РФ. Вот какие цифры опубликованы в статистическом ежемесячнике России (табл. 2). Исходя из приведенных данных, мы можем объединить три средних группы населения и определить, что в 1-м полугодии 2000 г. 60% населения РФ имели 45,4% дохода всего населения РФ.

Таблица 2

**Распределение общего объема денежных доходов населения
(в пяти двадцатипроцентных группах)
за первое полугодие 2000 г. (в %)***

20%-ные группы населения	I полугодие 2000 года
I (группа с наименьшими доходами)	6,0
II	10,1
III	14,5
IV	20,8
V (группа с наибольшими доходами)	48,6

* За 100% принимается общая величина денежных доходов населения страны.

Источник: [17, с. 222].

Итак, анализ российской литературы по проблемам среднего класса показывает, что по некоторым вопросам этой темы нет еще достаточного единодушия. Как уже отмечалось выше, есть авторы, которые используют понятие среднего класса, и есть те, кто употребляет по отношению к той же самой социальной группе понятия средних слоев и среднего класса. Есть и такие авторы, которые не считают нужным проводить четкое различие между этими терминами.

Как мы видели, сама проблематика средних слоев восходит к самым началам науки об обществе. Уже Аристотель проводил границы между высшими, средними и низшими слоями населения. На наш взгляд, можно было бы дать следующее рабочее определение среднего класса. "Средний класс" - это та часть общества, которая заинтересована, прежде всего, в стабильном развитии экономики страны и ее политической системы. Она не желает повторения крайних вариантов развития страны и общества ни под какими идеологическими лозунгами. Этим можно объяснить постоянную поддержку курса реформ, который наблюдался на протяжении последнего десятилетия.

Вместе с тем, средний класс действительно занимает срединное положение в обществе. Он объединяет тех людей, которые находятся между бедными слоями и "новыми русскими". Профессиональный состав среднего класса включает в себя представителей всех профессиональных групп в российском обществе. Средний класс - весьма сложная структурированная общность, включающая в себя группы с разными экономическими интересами и политическими ориентациями.

Вполне возможно, что для характеристики этой общности вполне достаточно термина "средний слой", или "средние слои". Однако, уже сложилась определенная традиция в использовании понятия средний класс, тем более, что за этим термином имеется определенная смысловая нагрузка, о которой сказано выше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди зарубежных авторов, наиболее часто цитируемых в связи с этой темой, назовем К. Маркса, М. Вебера, Л. Уорнера, К. Дэвиса, В. Мура, Т. Парсонса, Р. Мертона, Дж. Голдторпа, Д. Локвуда, Р. Дарендорфа, П. Бурдьё, Э. Гидденса и др. (См.: [3]).

² Здесь обратимся к И. Качанову: «Задаваясь вопросом "что такое социальная группа предпринимателей?" "экономическая социология" институционализирует ее. Понятие "социальная группа предпринимателей" предшествует истине предпринимателей... Достоверность и очевидность "социальной группы предпринимателей" (т.е. ее присутствие) предполагает социолога, которому это очевидно. Почему это очевидно? Потому что таково его *видение*, таково его *точка зрения* (в обоих смыслах этого слова), обусловленная ситуацией его существования, его социальной позицией» [5, с. 203, 207].

³ Стоит отметить, что в базу данных не попали крайние группы — ни самые богатые, ни те, кто составляет социальное дно. Эти группы подлежат более углубленному изучению с помощью качественных методов (см.: [6, с. 6]).

- ⁴ В российском обществе происходит формирование "параллельно с традиционной для России сословной социальной структурой (сохраняющейся в рамках госсектора) также зачатков новой, классовой структуры, которая характерна для обществ западного типа" [7, с. 38].
- ⁵ В литературе отмечается роль следующих государственных акций, оказавших наиболее важное влияние на формирование новой социально-классовой структуры: 1988 г. - Закон о кооперации (по некоторым данным, уже в 1989 г. насчитывалось свыше 5 млн. кооператоров [9, с. 156-160]. 1992 г. - перерегистрация малых предприятий и оформление их в акционерные общества нескольких типов). В конце 1992 г. Верховный Совет РФ (под руководством Р. Хасбулатова) принял Закон о приватизации. В результате в 1994 г. 70% малых предприятий в России перешло в частные руки. Это составляло свыше 85 тыс. магазинов, ресторанов, кафе, предприятий бытового обслуживания. В 1993-1994 гг. в России насчитывалось порядка 380-390 тыс. малых предприятий, к началу 1996 г. - 900 тыс. Приватизация в эти годы осуществлялась через аукционы, коммерческие конкурсы, выкуп арендованного имущества, инвестиционные торги, продажу ликвидированных предприятий. В 1995 г. на малых предприятиях было занято 8,8 млн. человек, что составляло 9% общей численности занятых [8, с. 200]. См. также: [10, с. 170-191].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995.
2. Аристотель. Избранные произведения. Т. 4. М., 1984.
3. Crompton R. Class and Stratification. An Introduction to Current Debates. Cambridge: Polity Press. 1993.
4. Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999.
5. Качанов Ю. Начало социологии. СПб.: Аллетейя, 2000.
6. Заславская Т.И., Громова Р.Г. К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. №4.
7. Тихонова Н.Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: РОССПЭН, 1999.
8. Ильин В.И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917-1996 гг. Сыктывкар, 1996, с. 200.
9. Зубакин В. Вторая экономика // Вопросы экономики. 1994. №11.
10. Медведев Р. Капитализм в России? М., 1998.
11. Радаев В.В. Средний класс в России или к появлению нового мифа // Знание - Сила. 1998. №7.
12. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Средние слои в современной России // Социол. исслед. 1998. №7.
13. Беляева Л.А. Критерии выделения среднего класса // Средний класс в современном российском обществе. М.: РОССПЭН, 1999.
14. Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения. 1999. №2 (40) март - апрель.
15. Есть ли в России средний класс? Аналитический доклад по заказу Московского представительства Фонда им. Ф. Эберта. Российский независимый институт социальных и национальных проблем. М., 1999.
16. Россия 1999. Социально-демократическая ситуация / Под ред. Н.М. Римашевской. М., 2000, с. 70.
17. Информация о социально-экономическом положении России. Июль 2000 г. Государственный комитет Российской Федерации по статистике. М., 2000. С. 222.